

**Власть и научные общества в 1920-е гг. (на материалах
Петрограда-Ленинграда)**

Синельникова Елена Федоровна

Аспирант

*Санкт-Петербургский институт истории РАН (СПбИИ РАН), Отдел Современной
истории России, Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Научные общества всегда занимали особое положение в отечественной науке. Система научных обществ росла значительными темпами вплоть до 1917 г. После Октябрьской революции они признавались устаревшей формой организации науки, однако советское правительство не ликвидировало и не запретило их деятельности.

Первое десятилетие существования советской власти было особенно напряженным и противоречивым. В 1920-е гг. формировалась новая модель взаимоотношений власти и науки, в том числе и с научными обществами, которые в течение этого времени прошли несколько этапов:

Первый этап (1921-1922 гг.) характеризовался упорядочением отношений научных обществ и власти на основе новых Положений[12], ограничивающих права обществ. Так, согласно первому из них, утвержденному 12 июня 1922 г., общества (в том числе и научные) подлежали регистрации в НКВД в двухнедельный срок, с момента его опубликования[11]. Принятые в августе того же года постановления регулировали процессы создания, ликвидации, а также функционирования, отчетность и т.д. Все научные общества погрузились в процесс перерегистрации, который очень часто затягивался/ Кроме этого, создание новых обществ было затруднено в связи с возросшими административными требованиями к регистрирующимся организациям.

Второй этап (1923-1925 гг.) для научных обществ, с одной стороны, стал успешным, т.к. наладилась их работа и нормализовалось финансовое положение, были восстановлены международные связи, а власть проявляла лояльность и вела себя либерально. Однако, к середине 1920-х гг. проявились кризисные явления в отношениях власти и научных обществ.

Опубликование в июле 1923г. «Нормального устава научных ... обществ»[10, С. 88-89] привело к неизбежным неоднократным пересмотрам уставов научных обществ города, поскольку некоторые из них продолжали функционировать на основе еще дореволюционных уставов, и к увеличению срока их утверждения и очередной перерегистрации. Ожидание тянулось часто месяцами, в течение которых общества находились в «подвешенном состоянии», многим обществам, как правило, гуманитарным, не вообще не удалось перерегистрацию и они были закрыты. В связи с этим, в январе 1925г. в совещании представителей ленинградских научных обществ, созванном по предложению Главнауки при Географическом обществе, был выработан проект Нормального устава[3, Л.6-11], который наилучшим образом отвечал нуждам именно научных обществ. Этот проект так и не был утвержден, что было одним из проявлений назревающего кризиса в отношениях научных обществ и власти, когда какой-либо компромисс становился невозможным.

На втором этапе научные общества все больше лишались самостоятельности, и в 1925г. ряд из них был преобразован в «государственные». Это были старейшие, которые находились под идеологическим контролем Главнауки и полностью финансировались государством. Все это позволяет усомниться в правильности утверждения некоторых современных авторов, писавших, что «научные общества оказались менее втянуты в процесс огосударствления»[7, С.74].

Нем не менее, научная жизнь в стране постепенно восстанавливалась, и к середине 1920-х гг. была налажена нормальная работа большинства научных обществ Ленинграда, в отчетах которых отмечалось «все улучшающееся [положение] как условий самой научной работы, так и условий печатания»[2, Л.26об], «несомненное оживление . . . работы» [3, Л.7], «окрепшее финансовое положение»[4, Л.4].

В течение третьего этапа 1926-1930 гг. происходила постепенная потеря научными обществами самостоятельности. Возрастающая регламентация деятельности обществ, а также отчетность по трем «фронтам» – перед административными органами НКВД, Главнаукой и перед органами финансового контроля, вызывала недовольство ученых. 1 апреля 1926г. на очередном совещании директоров научных учреждений, подведомственных Главнауке в Ленинграде, секретарем Общества любителей мироведения В.А. Казицыным был прочитан доклад «Об упрощении отчетности научных обществ», в котором излагались основные претензии обществ к власти. Докладчик предлагал всю отчетность перед НКВД и Главнаукой свести к предоставлению годового отчета и перейти к системе субсидирования «с освобождением от обязанности распоряжения кредитами и самостоятельного выписывания ассигновок» [5, Л.49].

В противостоянии научных обществ и власти, последняя, без сомнения, одержала победу, и с этого времени отчетность научных обществ стала еще более подробно: протоколы общих собраний, журналы заседаний советов, сметы, финансовые отчеты (даже для не субсидируемых обществ), планы работ, ежеквартальные и годовые отчеты о деятельности по особой форме и т.п. должны были регулярно направляться в ЛОГ.

В июле 1928г. появились новые Положения[13, С.270-276] и «Типовые уставы научных, литературно-художественных, научно-технических и т.п. обществ, имеющих филиальные отделения» и не имеющих таковых[8, С.535-546]. Теперь членами общества не могли быть лица, лишенные по суду права занятия выборных должностей, а лица, лишенные избирательных прав в советы, могли быть членами общества, но не могли быть избираемы в исполнительные и ревизионные органы общества [8, С.536]. В этом состояло принципиальное отличие от предшествующего Нормального устава.

В соответствии с Положением 1928г. в следующем году началось обследование научных обществ Ленинграда, которое продолжалось до лета 1930г, при этом было обследовано 12 научных обществ города, всех научных отраслей.

В обобщенном виде выводы всех обследований были представлены в «Докладе о работе научных обществ»[6, Л.248-248об], в котором они получили очень нелестную характеристику: «После свержения самодержавия и установления пролетарской диктатуры буржуазно-либеральные общества в их старой форме должны рассматриваться как пережиток дореволюционной эпохи, тормоз кипучей энергии трудящихся масс, а иногда даже как реакционная идеологическая сила»[6, Л.248].

Конец одного и начало другого периода в отношениях власти и научных обществ обозначили «Положение о добровольных обществах и союзах»[14, С.686-690] и «Типо-

вые уставы добровольных обществ, имеющих отделения (не имеющих отделений)» [9, С.11-22], принятые в 1930г., согласно которым обществ должны были стать массовыми организациями, а контроль за их деятельностью тотальным.

Взаимоотношения между властью и научными обществами на протяжении всех 1920-х гг. можно определить как непростые. На рубеже 1920-1930-х гг. в этих отношениях произошел качественный скачок, приведший к трансформации самой сути научных обществ, к радикальному изменению их целей и задач.

Источники и литература

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д.668. (Главнаука)
2. ЦГА СПб. Ф.2555. Оп.1. Д.791.(Минералогическое общество)
3. ЦГА СПб. Ф.2555. Оп.1. Д.999. (Русское географическое общество)
4. ЦГА СПб. Ф.2555. Оп.1. Д.1000. (Минералогическое общество)
5. ЦГА СПб. Ф.2555. Оп.1. Д. 1001. (Общество любителей мироведения)
6. ЦГА СПб. Ф.2556. Оп.3. Д.93. (Переписка)
7. Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Опыт путеводаителя по неизведанной земле. Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917-1950-е гг.).
8. Бюллетень НКВД. 1928. №27. Ст.247.
9. Бюллетень НКВД. 1930. №36а.
10. Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли и состоящих в ведении Главнауки // Бюллетень НКВД. 1923. №12.
11. СУ РСФСР. 1922. №40. Ст.477.
12. СУ РСФСР. 1922. №49. Ст.622, 623.
13. СУ РСФСР. 1928. №22. Ст.157.
14. СУ РСФСР. 1930. №44. Ст.527.